

Трилогия «НЕГАСИМЫЙ СВЕТ»

ЛОВЦЫ ВИДЕНИЙ

ДЭННИС ФУН

THE
DIRT
EATERS

DENNIS FOON

ЛОВЦЫ ВИДЕНИЙ

ДЭННИС ФУН

УДК 82.312.9
ББК 84.4 (7 Кан)
Ф94

The Dirt Eaters, volume 1 of The Longlight Legacy

Original published in North America by Annick Press Ltd

Conceil des Arts an Canada

*Издательство выражает благодарность канадскому Совету по искусству
и канадскому Министерству иностранных дел и внешней торговли
за финансовую поддержку в издании книги*

Cover art by Susan Madsen

Cover design by Irvin Cheung/iCheung Design

Фун, Дэннис

Ф94 Ловцы видений: Роман / Пер. с англ. М. М. Гурвица. – М.:
Этерна, 2011. – 400 с. – (Книга первая – Трилогия «Негасимый
Свет»).

ISBN 978-5-480-00250-4

Первая книга трилогии «Негасимый Свет» – самого известного и захватывающего романа в жанре фэнтези в Северной Америке за последнее десятилетие. Главному герою в пятнадцать лет предстоит пройти через тяжелые испытания, столкнуться с невероятными приключениями, измениться самому и изменить окружающий мир.

УДК 82.312.9

ББК 84.4 (7 Кан)

*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть
воспроизведена в какой-либо форме – графической, электронной или бумажной –
без письменного согласия владельцев авторских прав.*

ISBN 978-5-480-00249-2 (Россия)
ISBN 978-5-480-00250-4 (кн. 1)
ISBN 1-55037-807-4 (Канада)
ISBN 1-55037-806-6 (pbk)

© 2003, Dennis Foon
© М. М. Гурвиц, перевод на русский
язык, 2011
© ООО «Издательство «Этерна»,
издание на русском языке, 2011

*Книга посвящается
Ширли Луизе Висс*

СОДЕРЖАНИЕ

Негасимый Свет	9
У друзей	22
Адепт	44
Судьба пророка	67
Раздача даров	86
Златокудрая женщина	100
Испытания	118
Пещера	140
Последнее испытание	154
Пустошь	165
Лампы	181
Лабиринт	206
Преданные забвению	227
Зима в Оазисе	246

Незаживающая рана	268
Благословенное селение	288
Снадобье	305
Край видений	316
Нападение кровопийц	330
Дар посла	346
Десерт стряпухи	357
Побег	375
Над пропастью	389
Путь домой	396

НЕГАСИМЫЙ СВЕТ

В СКРЫТОЙ ОТ МИРА ДОЛИНЕ
НАРОД НЕГАСИМОГО СВЕТА
СУМЕЛ ПЕРЕЖИТЬ КАТАСТРОФУ.
СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ НАРОД
ЖИЛ БЕЗ ГОРЯ И ЗАБОТ,
ПРЕДОСТАВЛЕН САМ СЕБЕ.
В ИЗОЛЯЦИИ ОТ ВСЕХ,
ЛЮДИ ВЕРИЛИ В УСПЕХ.
ВЕДЬ НАДЕЯТЬСЯ – НЕ ГРЕХ.
НО ПРИШЛА И К НИМ БЕДА –
ЧАСА МНОГО ИНОГДА,
ЧТОБ ИСЧЕЗНУТЬ НАВСЕГДА.

– КНИГА НАРОДА НЕГАСИМОГО СВЕТА

СНЕЖНЫЙ СВЕРЧОК ПРЫГАЛ ПО обрушившейся ка-
менной стене между двумя тлевшими зданиями.
Он остановился, повел усиками, потом соскочил на
впечатанный в снег след. Сверчок перескакивал с
одного следа на другой, двигаясь мимо запорошен-
ных валунов, пока не остановился у куста ежевики.
Там он устроился под колючками на небольшом
сугробе, покрытом красновато-бурыми пятнами.

Белый сверчок долго сверчал на одной ноте свою ворожащую песню. Через некоторое время сугроб будто вздрогнул, и под снегом стало возможно разглядеть пару раскрытых глаз. Это были глаза мальчика по имени Роун.

Затаив дыхание, Роун к чему-то прислушивался. Где-то вдали зловеще каркали вороны. Мальчик совершенно окоченел. Он решил сесть, и тут вдруг что-то как хрустнет! Он затаил дыхание, испугавшись, что его заметят.

Перед ним возникает искаженное мукой лицо отца.

«Скорее, Роун, скорее, шевелись, сынок, давай, быстрее!»

Чьи-то руки тянут его вверх с такой силой, что рвется одежда. Его сестра Стоув вся дрожит, прижимая к телу соломенную куклу. Мама целует его, что-то говорит им с сестрой, а потом выталкивает Роуна и Стоув в распахнутое окно.

«Бегите отсюда! Схоронитесь в синих кустах! Бегите! Скорее убегайте!»

Снова что-то хрустнуло и задело Роуна по ноге. Это подтаявший снег упал с куста ежевики. Вокруг царило безмолвие, и мальчик решил медленно встать на ноги, так чтобы никто его не заметил в зарослях кустарника. Голова Роуна раскалывалась от боли, удары сердца гулко отдавались в висках, в волосах запеклась кровавая корка. С тихим стоном он отковырнул кусочек и взглянул на струп запекшейся крови.

С другой стороны холма к небу вздымался дым. От селения, которое они называли Негасимый Свет, не доносилось ни звука. Не было слышно ни голосов, ни криков. Ему отчаянно хотелось взглянуть на селение, хотя он до смерти этого боялся. Роун сделал несколько глубоких вдохов, чтоб унять стук сердца, которое, казалось, вот-вот выскочит из груди. Аккуратно отцепив от одежды ежевичные шипы, он пополз по снегу к вершине холма. Вдруг мальчик что-то заметил на снегу. Прижимаясь к земле, он медленно полз среди жестких высохших бурых стеблей травы. На снегу лежала любимая кукла Стоув, как шалью окутанная пурпурной тканью, которую сестра выкрасила в этот цвет сама. Копыто коня вбило куклу в смерзшуюся грязь. Дрожащей рукой мальчик поднял с земли дорогую его сердцу игрушку.

Крики. Взрывы. Озверевшие налетчики, лица их скрыты масками, повсюду носятся на конях, размахивают факелами, все крушат и сжигают на своем пути. Со стороны деревни доносится жуткий, леденящий душу рокот, как будто сотни голосов звучат в унисон.

Задыхаясь, спотыкаясь, скользя по обледеневшей земле, Роун и Стоув сломя голову несутся к спасительным синим кустам ежевики, холодные стебли замерзшей травы стегают их по ногам. Раздается душераздирающий вопль. Стоув впивается ногтями в ладонь Роуна, жуткая красная маска склоняется над ними, и сильная рука отпры-

вает девочку от земли. Всадник в маске бьет Роуна по окровавленной руке... Стоув изо всех сил тянется к брату, но всадник взмахивает костяной булавой и с силой обрушивает ее вниз.

Волнуясь от нахлынувших чувств, Роун дрожащей рукой положил сломанную куклу в карман. Он уже близко подполз к разрушенной крепостной стене Негасимого Света. За ней виднелись разбитые и опустошенные остовы глинобитных домов с деревянными перекрытиями, над которыми вился дымок. Всадников нигде не было видно. Над деревней нависла зловещая тишина.

Охваченный тяжелым предчувствием, он подползал все ближе к деревне, потом вскочил, подбежал к сорванным с петель воротам и спрятался в руинах. Немного успокоившись и уняв дрожь во всем теле, Роун приподнялся, чтобы лучше разглядеть родное селение, и тут рядом с ним мелькнула чья-то черная тень. Он в страхе пригнулся, ожидая смертельного удара. Но его не последовало. Какое-то время мальчик выжидал, потом снова выглянул из укрытия. За воротами носились в воздухе стаи ворон, вороны сидели на развалинах жилищ, повсюду валялись черепки битой посуды, обгорелые плетеные корзины.

«Как же они нас нашли?» – мелькнуло у него в голове.

* * *

Роун сморщился от едкого запаха, бившего в нос, который доносился от Дома Общины. Там догорала

панель солнечных батарей. На создание одной такой батареи уходили годы. А теперь от них ничего не осталось...

Тлели руины домов, повсюду царило зловещее безмолвие. На посыпанных гравием дорожках виднелись следы людей, которых куда-то волокли. Мимо Храма, через Форум к Огненной Дыре. Скрепя сердце, Роун прошел еще несколько шагов. Непомерная тяжесть лежала на душе. Его отец каждый год произносил согражданам речь с того места, где теперь стоял мальчик.

«Мы не должны ничего забывать. Огненные Дыры, подобные этой, возникли тогда, когда началось Безумие. Земля, ослабленная Мерзостью, обезображившей ее лик, изрыгнула свое нутро, стремясь залечиться... Многие из нас тогда погибли. Когда выжженная земля охладилась, пришли Отцы-основатели. Многие Дыры были зарыты, но эта осталась нетронутой, ее кипящие воды никто не остудил. Вокруг этой Дыры Отцы-основатели и построили селение, в центре которого стоит наше главное святилище. И мы никогда не забудем, кем были раньше. Раз в год – в День Поминовения – эти каменные ворота распахиваются, и мы проводим этот день в посте и молитвах, вспоминая о том, почему разошлись наши пути. Это место – самое святое в Негасимом Свете».

Самое святое место в Негасимом Свете... Оказалось, что наша память не имела значения. Они все равно нашли нас.

Омерзительно воняло. Ветер вихрил клочья одежды – женскую блузку, рваные мужские шорты. Заметив изношенный кожаный залатанный башмак, мальчик чуть не упал – этот ботинок постоянно чинил его отец. Он, должно быть, где-то тут, совсем рядом... Роун до рези в глазах всматривался в разбросанные камни. Над Огненной Дырой летали вороны. Мальчик перелез через каменную ограду, окружавшую святилище.

Первое, что бросилось ему в глаза, была прядь волос, зацепившихся за край Дыры, и кусок кожи на белом черепе. На поверхности кипящей воды плавали кости. Человеческие кости. Сотни человеческих костей покрывали воду в Дыре, покачивались на кипящих волнах, сталкиваясь друг с другом. Ноги Роуна подкосились, взгляд затуманился – здесь были все, кого он знал и любил... Пошатываясь на неверных ногах, мальчик уходил от проклятой ямы. В горле першило, на глаза наворачивались слезы.

Ноги стали как ватные. Он опустился на колени, уперся лбом в твердую глину, пытаясь произнести слова молитвы, которой учил его отец, молитвы по усопшим, последнего прощания, напутствия при отходе в мир иной. Губы шевелились, но говорить он не мог – слишком много здесь было душ человеческих...

Он долго стоял на коленях, упершись лбом в землю, а вокруг него вился дым пожарища.

* * *

Роун пришел в себя от странного звука, раздавшегося рядом. Он поднял голову и вздохнул полной грудью. У него на плече сидел белый сверчок.

Пора возвращаться домой.

Потрясенный, все еще сжимая в руках отцовский башмак, Роун шел по посыпанной гравием дорожке мимо руин, где еще совсем недавно жили его друзья и родные. Он знал здесь каждый дом – соседи часто приглашали его перекусить, поиграть со сверстниками, просто зайти в гости на огонек. А теперь от всех строений остались лишь остовы.

По какому-то странному стечению обстоятельств целым осталось лишь их жилище. Но входная дверь, которую мама украшала с такой любовью, была разнесена в щепки. Он очень гордился маминым мастерством. Роун с трудом сдерживал свои чувства, осторожно переступив оскверненный порог собственного дома. Внутри все было сокрушено вдребезги – и бабушкины стол со стульями, и покрытые цветной глазурью чашки, и миски брата его дедушки. Папины книжные полки лежали на полу, повсюду валялись книги.

Роун прошел в свою комнату. Она вся была перевернута, вещи раскиданы, поломаны, разорваны, разбиты. Он опустился на корточки и коснулся рукой кровати. Она чудом уцелела – мама делала ее на совесть. Мальчик поставил кровать на место, положил на нее шерстяной матрас, застелил скомканными простынями. Потом лег,

подтянул коленки к груди и опустошенно уставился в стену.

Его народ сажал сады, врачуя больную землю, люди заботливо и с любовью относились друг к другу, делили поровну все, что имели. Здесь нечего было грабить, но налетчики все равно к ним нагрянули. После разрушительного набега все было потеряно. Все пропало.

ПЯТНИСТАЯ БУРАЯ КРЫСА С ДЛИННЫМ РОЗОВЫМ ХВОСТОМ СИДИТ НАПРОТИВ РОУНА. ОНИ В КАКОЙ-ТО ДОЛИНЕ, ГДЕ ВМЕСТО ЗЕМЛИ СУХАЯ ЖЕЛТАЯ ГЛИНА, СОЛНЦЕ ПОЧТИ ЗАКАТИЛОСЬ ЗА КРАСНУЮ ЛИНИЮ ГОРИЗОНТА. КРЫСА ПОДНЯЛА ГОЛОВУ.

«ВРЕМЯ ПРИШЛО. УХОДИ ПРЯМО ТЕПЕРЬ. НЕ МЕШКАЙ».

Роун вскочил, мгновенно очнувшись от странного видения. Оно совсем не было похоже на сны, которые он видел раньше. Но мама всегда говорила ему, чтобы к таким явлениям он относился очень серьезно. В этом странном видении ему было сказано, что надо немедленно уходить. Он должен идти прямо сейчас.

Мальчик поднял с пола половицу – под ней у него был тайник. Он вынул из тайника коробочку, в которой лежали оставшиеся от прадедушки пять серебряных монет, каждой из них было больше двухсот лет. Там же лежал в ножнах искусно сделанный кинжал, который папа подарил ему в прошлом месяце в день пятнадцатилетия. Роун

привязал его к голени кожаным ремешком. Штанина так прикрыла его, что разглядеть кинжал было невозможно.

Оглядевшись, он заметил мамин рюкзак. Туда сложил простыни, потом стал собирать в дорогу припасы – наполнил фляжку водой, нашел остатки сушеных продуктов, аккуратно положил в боковые карманы рюкзака папин ботинок и куклу сестры. И в этот момент он услышал вдали странный звук.

Поначалу почти неслышный, стрекот становился все громче и громче. Роун подскочил к окну. По дорожке, посыпанной гравием, всего футах в трехстах от него, какой-то мужчина ехал на странном устройстве, которое Роуну доводилось видеть только на картинках. Называлось оно «мотоцикл». Водитель был облачен в свободную черную накидку, ветер отбрасывал назад его длинные волосы, заплетенные в косы. Он направлялся прямо к дому Роуна. Мальчик спрятался под опрокинутой книжной полкой, упиравшейся в стену. Укрывшись там, он почувствовал какое-то шевеление в кармане. Оказалось, там угнездился белый сверчок! Подъехавший на мотоцикле мужчина вошел в дом. Роун затаил дыхание и тихо вынул из ножен кинжал.

– Какой разгром... – тихо проговорил вошедший.

Роун понял, что он перебирает разбросанные по полу книги. Незнакомец протянул руку под опрокинутую полку, ощупывая пол. Когда чужак ухватил разорванную пополам книгу и потянул ее к себе, Роун крепко сжал кинжал в руке.

– Меня зовут Святой. А как твое имя?

Роун замер.

– Здесь случилась жуткая, невообразимая трагедия. Ты как?

Роун выбрался из укрытия и отскочил к двери.

– Эй, эй, тебе не надо...– крикнул Святой и направился к мальчику.

Людей таких огромных размеров Роуну еще видеть не доводилось. Он бешено размахивал перед собой кинжалом, отступая к двери. Убежать к ежевичным кустам и снова там схорониться он уже не мог. Вместо этого мальчик со всех ног бросился к дорожке, по которой всегда бегал с друзьями. Она шла к восточной стене, а оттуда напрямиком вела к Мертвому Лесу.

* * *

Мертвый Лес простирался на многие мили, деревья все еще тянулись ввысь, хотя зелеными там были только мох и лишайники. Дедушка рассказывал ему, что деревья умерли еще тогда, когда разбомбили химический завод, стоявший выше по реке. Роун больше всего любил сажать деревца и рассаду растений, помогавших возрождать зараженную землю, и мог проводить за этим занятием долгие часы. Но вернуть Мертвый Лес к жизни не получалось.

За спиной раздался шум двигателя. Времени было в обрез. Роун уже успел добежать до ствола Большого Дупла – огромного дерева высотой под

сотню футов, которому было, наверное, лет триста, если не больше. Как и у других деревьев в этом лесу, у него давно сгнила вся сердцевина, изнутри оно было полым. Роун отогнул кусок коры, вырезанный им с друзьями еще несколько лет назад, залез внутрь полого дерева, а потом аккуратно закрыл отверстие, чтобы снаружи ничего не было заметно.

Роун ухватился за первую из опор, которые они с ребятами вырезали в оставшейся под корой древесине, и стал подниматься вверх, к вершине, где все было залито светом. Рядом с каждой опорой было вырезано имя одного из друзей: Макс, Эста, Лем, Рольф, Эйден. Он вспомнил, как вшестером они карабкались к вершине дерева, как вместе смеялись и радовались, что у каждого столько друзей. Больше этого не будет никогда... Добравшись до самого верха, он бросил взгляд на место, отведенное сестре. Там было вырезано большими буквами: Стоув. Она всегда занимала именно это место. Он подался вперед, любовно провел пальцем по контуру буквы С. Где она теперь? Он чувствовал, как горит его рука в том месте, где она за нее ухватилась, чтобы остаться с братом.

Карабкаясь к вершине, Роун весь вспотел. Добравшись до цели, он осторожно высунул голову там, где верхушка дерева была обломана. В небе ярко сияло солнце, он сел на сплетенное из канатов сиденье, которое они все вместе здесь так дав-

но укрепили. Мальчик до рези в глазах осматривался по сторонам. Ищет ли еще его незнакомец или уже уехал? Роун решил здесь отсидеться до темноты и уйти уже под покровом ночи. Но куда ему было идти? Ни разу в жизни он не покидал пределов долины, где стояла их деревня. Он понятия не имел о том, что лежит за ее пределами. Но мальчик твердо знал: оставаться здесь нельзя – дом его навсегда уничтожен.

И тут он увидел преследователя. В сотне футов внизу Святой медленно ехал на мотоцикле между деревьев. Роун понимал, что незнакомец выследил его по отметинам на лишайнике, по примятой траве. Он слишком быстро бежал, чтоб успеть замести следы.

Когда Святой подъехал прямо к Большому Дуплу, Роун убрал голову и прижался спиной к стенке деревянного колодца. Сердце его было готово выскочить из груди! А вдруг чужак найдет скрытый в коре лаз? Взметнувшийся снизу поток воздуха стал ответом на его вопрос.

– Я не причиню тебе зла, – крикнул снизу мужчина, лицо которого скрывала глубокая тень. – Я видел дым. Это твой дом там сгорел?

– Да.

– Я одену тебя и накормлю. После всего пережитого тебе не помешает обзавестись надежным другом.

– Да в порядке я! Оставь меня в покое!

– Нет, не могу, – ответил Святой. – Один ты здесь погибнешь.

Бросив взгляд вниз, Роун увидел, что Святого там уже нет.

И в этот миг дерево качнулось, хоть ветра не было. Потом огромный ствол снова накренился, закрипел, по всему дереву как будто пробежала дрожь. Мальчик испугался, ухватился за деревянную опору и вдруг понял: дерево раскачивал Святой. Но разве может один человек опрокинуть такое гигантское дерево? Хоть оно давно умерло и корни его сгнили, это было под силу двум или трем очень сильным мужчинам, но никак не одному. Хотя Святого нельзя было назвать обычным мужчиной – он был в два раза больше, чем отец Роуна.

Старые корни треснули, и дерево стало заваливаться набок. Большое Дупло неотвратно падало, а вместе с ним вниз падал Роун. Он уже не мог удерживаться руками наверху – его тело моталось из стороны в сторону и билось о стенки полого ствола.

У ДРУЗЕЙ

ДРУГ ДАЛ ЕМУ МИР.
ПРОРОК ЕГО ВЗЯЛ.
ОН МИРУ ВЕЩАЛ.
ДЛЯ ТЕХ, КТО ВНИМАЛ,
ОН СТАЛ КАК КУМИР,
И БРАТСТВО ДРУЗЕЙ ОН СОЗДАЛ.

– ИСТОРИЯ ДРУГА В ИЗЛОЖЕНИИ ОРИНА

ПУМА СИДИТ ПОСРЕДИ ПОЛЯ, ПОКРЫТОГО НИЗКОРОСЛОЙ ЗЕЛЕНОЙ ТРАВОЙ, ЗА НЕЙ ТЕЧЕТ ИСКРЯЩАЯСЯ РЕКА, ЯРКО СВЕТИТ СОЛНЦЕ, ПРОГРЕВАЯ ТЕПЛЫЙ ВОЗДУХ. ПОБЛИЗОСТИ С ОГРОМНОЙ КОШКОЙ РАСПОЛОЖИЛАСЬ ПЯТНИСТАЯ БУРАЯ КРЫСА, ОНИ ПРИСТАЛЬНО СМОТРЯТ ДРУГ НА ДРУГА.

РЯДОМ С НИМИ ПОЯВЛЯЕТСЯ СТАРУШКА С ДВУМЯ РОЖКАМИ НА ГОЛОВЕ, С ТЕЛОМ КОЗЫ.

«КАЖЕТСЯ, ОН ПРОСЫПАЕТСЯ?»

КРЫСА ВЗДРАГИВАЕТ.

«ОН ПРОСНУЛСЯ».

ПУМА ВЫЛИЗЫВАЕТ СЕБЕ ЛАПУ, ПОТОМ СМОТРИТ НА СТАРУШКУ-КОЗОЧКУ.

«ЕЩЕ СЛИШКОМ РАНО. ОН НЕ ГОТОВ».

«НИЧЕГО НЕ ПОДЕЛАЕШЬ...»

СТАРУШКА-КОЗОЧКА ВЗДЫХАЕТ.

«МОЖЕМ ЛИ МЫ ЕГО КУДА-НИБУДЬ ПЕРЕПРАВИТЬ?»

«ЗДЕСЬ ДЛЯ НЕГО САМОЕ БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО».

ПУМА СМОТРИТ НА КРЫСУ.

«КАК НАМ ЕГО ЗАЩИТИТЬ?»

«МЫ ВРЯД ЛИ СМОЖЕМ ЭТО СДЕЛАТЬ»,– ГОВОРИТ
СТАРУШКА-КОЗОЧКА.

КРЫСА ВСТАЕТ.

«У НАС НЕТ ВЫБОРА».

Роун очнулся от резкого запаха благовоний. Он был жив. А когда дерево падало, мальчик был уверен, что погибнет. Снова эта крыса ему привиделась. Какое послание ему хотели передать через это видение? В кармане рубашки зашебурился снежный сверчок. Все тело Роуна болело, хотя вроде переломов не было и ничего не распухло. Взгляд его слабо различал предметы в помещении, где он находился,– стены в нем были из какой-то черной ткани. Его, должно быть, положили в шатер.

Он попытался приподняться, чтобы лучше оглядеться, и в этот момент, откинув шерстяной полог, в шатер вошел сухопарый юноша.

– Ну наконец-то ты очухался!

Он странно, не мигая, рассматривал Роуна.

– Что ты на меня так уставился?

– Прости,– сказал юноша.– Я не хотел тебя обидеть. Зашел узнать, может ты проголодался?

Роун смутился:

– Где я?

– У друзей.

– Сколько я здесь нахожусь?

– Почти два дня прошло, как тебя сюда привезли. Где-то так. Тебе, должно быть, сильно досталось, – ответил парень. Ростом он не вышел, был зеленоглаз, в кости тонок, выглядел чуть старше Роуна. – Меня здесь зовут Поваренком, я тут всех кормлю. – Поваренок протянул Роуну миску с какой-то темной, на вид жидкой похлебкой. – Это картошка с требухой.

– Какой еще требухой?

– Овечьи потроха. Ты пожуй их, пожуй и выплюни. Все так делают.

Роун чуть не с омерзением уставился на странное варево. В Негасимом Свете жители пили овечье молоко, стригли овец и пряли их шерсть, но самих животных не ели никогда.

– Когда поешь, к тебе зайдет Святой, – сообщил Поваренок.

Святой. Это ведь тот детина, который свалил мертвое дерево. Он, должно быть, его сюда и привез. Роун с отвращением понюхал похлебку, но пахла она заманчиво. А громкое бурчание в животе настойчиво напомнило о том, что у него уже давно не было во рту даже маковой росинки. Он зачерпнул ложку варева, зажмурился и попробовал непривычную еду. Мальчик с трудом проглотил содержимое первой ложки, но вторая прошла уже легче, а после третьей он все быстро доел. Потом вытер губы, тяжело встал и отдернул вязаный полог, прикрывавший вход в шатер.

Помещение, где он оказался, было значительно просторнее, среди него возвышался высокий шест, поддерживавший своды шатра. Какое-то время глаза привыкали к тусклому свету свечей, потом в противоположной стороне помещения он увидел Святого, сидевшего к нему голой спиной. Такого мощного тела Роуну в жизни видеть не доводилось, казалось, оно состоит только из мышц и сухожилий. Тем не менее сидел Святой в изящной позе лицом к алтарю, скрестив ноги на вязаном коврике, и был погружен в состояние глубокой медитации. Роун, ожидая, рассматривал тускло освещенную статую – главный объект поклонения в этом святилище. Статуя изображала мужчину, вскочившего на спину быку, за ноздри оттянувшего ему голову назад и всадившего в шею животного нож. На хвосте быка сидел ворон, а у ног его расположились змея, скорпион и собака. В тишине при мерцающем свете свечей Роун озадаченно размышлял над загадочным смыслом скульптурных изображений.

Святой склонился к дымившим благовониям, взмахнул руками, направляя дым в свою сторону, и глубоко вдохнул. Роун заметил, что обе руки огромного мужчины от запястий до локтей покрыты елочкой тонких белых шрамов. Святой резко обернулся и упер в Роуна пристальный взгляд глубоко посаженных глаз. Роун не отводил взгляда и гадал, что именно Святой хочет в нем разглядеть. В конце концов Святой отвел глаза, надел рубашку и как ни в чем не бывало произнес:

– Ты уж меня извини, что я доставил тебя сюда в таком виде, но другой возможности не было. Ты не выжил бы там один.

– Я сам должен был принять такое решение.

– Нет,– ответил Святой.– Наша вера такого не позволяет.

– А эта статуя тоже часть вашей веры? – спросил Роун, кивнув в сторону алтаря.

– Она составляет суть нашей религии. Друг убивает быка, сокрушает зло и творит жизнь. Мы, как и он, боремся со злом и питаем жизнь.

– Поэтому ты не мог оставить меня помирать одного?

– Именно так.

– А когда со мной все будет в порядке, ты меня отпустишь?

– Поживи с нами некоторое время,– сказал Святой с легкой улыбкой.– Прими наше гостеприимство и восстанови здоровье. Ты многому можешь научиться у меня и моих последователей.

Святой, конечно, не собирался его обидеть, но Роун почему-то чувствовал к нему недоверие. В голове вертелось слишком много вопросов. Что делал Святой в Скрытой от Мира Долине? Откуда он узнал, где найти Роуна? И почему он так хотел, чтобы Роун здесь остался? Мальчик подозревал, что Святой как-то связан со случившейся в Негасимом Свете ужасной трагедией, и ему очень хотелось во всем разобраться.

– Хорошо,– сказал Роун,– на какое-то время я здесь останусь.

– Тогда ты должен назвать мне свое имя.

– Роун.

– Ты жил в том доме?

– Да,– ответил Роун.– Ты взял оттуда все, что хотел?

– Я захватил с собой несколько книг. Кому они принадлежали?

– Моему отцу.

– Он умел читать?

– Конечно.

– А тебя он читать научил?

– И он, и мама моя.

Святой насупил брови. В его голосе послышалось почтение:

– Твоя мама тоже умела читать?

Роун озадаченно кивнул.

– Получается, в Негасимом Свете читать умели все?

– Да.

– Поразительно,– пробормотал Святой.

– Почему?

– Ты, должно быть, никогда не покидал свое селение и долину, в которой оно располагалось, ведь так?

Роун насторожился и ничего не ответил.

– Если бы тебе довелось странствовать, ты узнал бы, что читать умеют совсем немногие,– сказал Святой.– Люди с опаской относятся к учению.

Это заявление поставило Роуна в тупик, но он не подал вида. В Негасимом Свете почти никог-

да не говорили о том, что находится за пределами долины, и ему даже в голову не приходило спросить почему. Интересно, что еще от него скрывали?

– Почему же к знаниям относятся с подозрением? – спросил он.

Святой вздохнул:

– Считается, что вся Мерзость пошла от книжной учености.

– А ты так не думаешь?

– Я виню в этом людей. – Святой придвинулся к Роуну поближе и чуть наклонился. – У тебя есть редкий дар, ценность которого возросла еще больше после того, как не стало твоего народа. Поделись им со мной. Научи меня читать, Роун из Негасимого Света.

Роун смекнул, что обладает знанием, нужным Святому. Стоило ли делиться с ним этим знанием? Если Святой хотел научиться читать для каких-то грязных целей, это могло привести к очень тяжелым последствиям. Но Роун вспомнил, что часто повторял ему отец: *Чтение нужно так же, как дыхание, потому что слова – как воздух.*

– Я раньше никого не учил, – опасливо произнес Роун.

– У меня хватит терпения. Может быть, это займет у нас много времени, но я уверен – ты справишься! Помоги мне в этом деле. И конечно, мы заранее договоримся, как я тебя отблагодарю.

Роун осторожно подбирал слова:

– Ты уже дал мне пищу и кров над головой, – сказал он.

– Я лишь помог человеку в беде, – неспешно проговорил Святой, пристально глядя на Роуна. – Есть, наверное, и другие страждущие. Может статься, ты не единственный из жителей селения, кому удалось уцелеть...

Роун не смог унять дрожь, волной пробежавшую по телу.

Святой вскинул брови:

– Согласен? Так ведь могло случиться?

Против своей воли Роун прошептал:

– Могло, наверное.

Лицо Святого озарила улыбка.

– Научи меня читать, и если там остался кто-нибудь живой, мы его найдем.

«Если остался кто-то живой...» От этих слов Роуна снова бросило в дрожь. Его вдруг охватила такая ярость, что он не в силах был ее скрыть.

– Мое предложение тебя разозлило?

– Нет, оно мне кажется... справедливым, – с трудом выговорил Роун.

– Ты, должно быть, подумал о том, что сделали с твоим народом?

Роун лишь кивнул – говорить он был не в состоянии.

– Ты хочешь отомстить.

Роун явственно представил, как он нашел убийц народа Негасимого Света, прятавших лица под масками; представил себе, как бьет их дубинкой, а потом бросает их, вопящих от ужаса, в Огненную Дыру. Он безуспешно старался отогнать

от себя эти жуткие мысли. Слишком сильна была его ненависть! Мальчик взглянул на сидевшего перед ним гиганта, и ответ вырвался сам собой:

– Да.

Снежный сверчок встрепенулся в кармане рубашки и суетливо зашебуршился под сердцем.

– В этом я тоже могу тебе помочь, – сказал Святой. – Я научу тебя Пути Друга. Ты узнаешь, что он всегда там и тогда, где и когда нам нужно.

Какое-то время мальчик и мужчина в молчании смотрели друг на друга.

– Ну что, Роун из Негасимого Света, договорились?

– Договорились.

Святой улыбнулся и похлопал Роуна по плечу.

* * *

Лагерь располагался на возвышенности, с которой открывался вид на обширную долину. С высившейся вдали горы текла полноводная река. На выгуге паслись крепкие кони. На взгорке повсюду были раскинута шатры и еще какие-то палатки. Все они были прикрыты травой и ветками, чтобы скрыть их от постороннего взгляда. Под невысоким навесом у самой скалы семеро мужчин в черных меховых одеяниях с капюшонами на головах в молчании сыпали песчинки разноцветного песка в центр большого плоского камня.

– Это такая форма медитации, – пояснил Святой. – Им нужно четыре времени года, чтобы нари-

совать картину, а когда работа будет завершена, они сметут песок с камня и примутся за создание нового образа.

– А что они изображают?

– Долг, который мы исполняем в служении Другу.

Внимание Роуна привлекли какие-то резкие звуки.

– Пойдем дальше. Мы занимаемся и другими делами, достойными внимания.

Роун прошел за Святым к плоской площадке у другого склона, где мужчины в просторных одеждах отработывали сложные фехтовальные приемы схваток на мечях. Ими руководил крепкий, мускулистый учитель с обритой наголо головой. Их стремительные прыжки и выпады отличались точностью и изяществом. Несмотря на предубеждение против военных игр, Роун наблюдал за тренировкой как замороженный.

– В Негасимом Свете вы тоже так тренировались? – спросил Святой.

– У нас не было мечей, – ответил Роун. – Они были запрещены.

– А как же вы себя защищали?

– Никак.

– Но я же видел там следы ожесточенной битвы!

– Там не было никакой битвы.

– Но ведь когда на твоих соплеменников напали, они должны были защищаться!

– Мы никогда не сражались, – ответил Роун, не отводя взгляда от сверкающих клинков.

Святой жестом подозвал человека, проводившего тренировку. Лысый тренер сказал что-то братьям, потом подошел к ним и поклонился Святому.

– Друзья всем,– приветствовал он их.

– Друг есть истина,– ответил ему Святой и тоже поклонился, но не так низко.– Роун из Негасимого Света, познакомься с братом Волком – нашим мастером клинка. Роун присоединился к нам сегодня, брат. Путь его сюда был нелегким.

– Все трудно лишь настолько, насколько это воспринимает разум,– сказал брат Волк, глядя Роуну прямо в глаза.

– Бойню, которую устроили в моем селении, назвать лишь восприятием я никак не могу,– резко возразил Роун.

– Чем сильнее боль, тем упорнее твоя воля должна стремиться ею овладеть,– ответил брат Волк.– Иначе ты навсегда останешься ее рабом.

– Я не раб.

– Значит, ты поймешь, что подготовка, которую тебе предстоит у нас пройти, будет полезной,– сказал Волк и вернулся к своим ученикам.

Роун оторопел, ему стало трудно дышать. Сколько обязательств он должен взять на себя в этом странном лагере, где оказался по воле рока! Путь назад был отрезан, обстоятельства не оставляли ему надежды на освобождение. Негасимого Света больше не существовало.

Обходя лагерь вместе со Святым, Роун отметил, что он не был обнесен стеной, но по периметру

его надежно защищали отвесные скалы и овраги. Высоко на деревьях были установлены деревянные помосты, на которых стояли в дозоре братья. Было видно, как они, в надвинутых на головы капюшонах, внимательно следят за всем, что происходит в раскинувшейся внизу долине. Святой отвел Роуна в сторону от оборонительных сооружений лагеря и стал ему показывать, чем еще занимаются братья. Некоторые из них объезжали лошадей, кузнецы работали по металлу, были среди них и охотники. Всего братьев было семьдесят пять человек, сообщил Святой.

У шатра, раскинутого между деревьями, их приветствовал седобородый мужчина.

– Брат Святой! У меня есть мазь, которая тебе поможет вылечить рану на запястье.

– Спасибо, брат Аспид.

Брат Аспид внимательно вглядывался в лицо Роуна, как будто хотел прочитать его мысли. Но его пристальный взгляд не был угрожающим, скорее наоборот – у этого брата было доброе, открытое лицо.

– Роун из Негасимого Света! Жаль, что я не встретился с тобой раньше – у меня были неотложные дела по медицинской части.

Роун никак не мог понять, почему брат Аспид настолько мягче других. Он очень напоминал ему мужчин Негасимого Света. Вероятно, он был целителем.

В час ужина все собрались в главном шатре и расселись вокруг пяти длинных столов. Пова-

ренко всем раздал миски с тушеным мясом с картошкой, причем братья не обращали на него никакого внимания, как будто он был невидимкой. Роун уже хотел было приступить к трапезе, но в последний момент заметил, что к еде еще никто не притрагивался. Все в молчании стояли у своих мест.

В помещение вошел Святой и направился к пустовавшему месту рядом с Роуном. Он опустил голову и заговорил:

– Рожденный из камня, Первый Друг спустился с небес и дал нам все, что мы имеем.

Семьдесят пять мужчин в один голос хором произнесли:

– Рожденные от человека, мы стремимся к небу.

– Его небесный клинок освободил нас от оков зла, – нараспев проговорил Святой.

– Благословенные его любовью, мы освободим мир.

– Мы – братья. Мы – друзья.

– Мы – друзья.

Святой обвел взглядом собравшихся:

– Перед началом трапезы хочу представить нашего нового адепта – Роуна из Негасимого Света.

На какой-то момент воцарилась тишина, потом за дальним столом кто-то выкрикнул:

– Добро пожаловать, брат!

В знак приветствия все громко захлопали в ладоши и затопали ногами. Мужчина с безумными глазами и длинными светлыми волосами подмигнул Роуну:

– Они будут так хлопать и топтать, пока ты не отреагируешь как-нибудь на их приветствие.

Тогда Роун тоже захлопал в ладоши. Аплодисменты друзей понемногу стихли, но чувствовалось, что они всё еще воодушевлены, все широко улыбались Роуну, пожимали ему руку. Потом Святой сел на свое место и начал есть. Его примеру последовали остальные.

Святой кивнул в сторону светловолосого мужчины:

– Роун, это – брат Ворон, один из наших самых уважаемых товарищей.

– Ты, Роун из Негасимого Света, у нас единственный в своем роде, – сказал Ворон, криво ухмыльнувшись. – Я что-то не припомню, чтобы кто-то из новых adeptов приезжал сюда привязанным к мотоциклу Святого.

– Он не оставил мне выбора.

Брат Ворон выразительно хмыкнул:

– Выбор! Это же надо! – Ворон наклонился к Роуну, и мальчик почувствовал у него изо рта незнакомый тяжелый и терпкий запах. – Если у тебя возникнут проблемы, ты мне только намекни, милости просим! Я – мастер по разборкам и утряскам.

– Рад с тобой познакомиться, – вежливо ответил Роун, но в улыбке Ворона явственно ощущалась скрытая угроза. Брат лицемерил, это было ясно, он и сам не пытался скрыть свою неискренность.

Роун молча доел жаркое, размышляя над сложившимся положением. Братья спокойно переговаривались друг с другом, и хотя он понимал, что в

основном они обсуждали его, никто не лез к нему со своей любовью.

* * *

Когда ужин подошел к концу, Святой поднял правую руку и произнес:

– Друзья всем!

– Друг есть истина, – откликнулись братья, тоже подняв в ответ правые руки. Потом все стали убирать за собой столы.

Роун взял свою грязную миску и поставил на стопку других, которые забирал Поваренок.

– Да ты скоро привыкнешь, – прошептал тот. – Ты оказал нам честь, оставшись в лагере.

Не успел Роун расспросить, что это значит, как Поваренок куда-то исчез, зато возник брат Ворон.

– Позволь мне, Роун, проводить тебя туда, где ты будешь жить.

Ворон вышел вместе с мальчиком из шатра трапез, где еще толпилось много народа. Путь был освещен факелами. По дороге Ворон показал Роуну место Ассамблеи, возвышавшееся невысоким амфитеатром, на котором вокруг небольшой круглой площадки были расставлены скамьи. Роун не успел спросить, для чего она предназначена, как Ворон указал ему на «очень важную» надворную постройку и баню, где все купались и мылись, окатывая себя водой из деревянных шаек.

– Вы моетесь все вместе? – удивился Роун.

– Мы и в туалет все вместе ходим, – хмыкнул Ворон. – Думаешь, нам недостает воспитания?

– Нет, просто у вас другие обычаи.

Ворон вскинул бровь.

– Другие? Что ты хочешь сказать этим – другие?

Роун недоверчиво взглянул на странного брата, и ему показалось, что тот его в чем-то испытывает.

– Просто здесь все для меня новое, – неуверенно ответил он. – Тут всё не так, как там, где я жил раньше.

Ворон снова хмыкнул:

– Да ты у нас изрядный дипломат!

– Я сказал правду.

– Конечно, конечно, не принимай мои слова близко к сердцу! Я ведь тоже сюда бог знает из какой глуши попал – из селения, затерянного на окраине Плато Дождей. За все время, что я там жил, к нам, пожалуй, никто даже и не заглядывал... Когда я оттуда дал деру, мне было меньше лет, чем сейчас тебе.

– И куда же ты отправился?

– В одну особую школу.

– Чему тебя там учили?

– Честно говоря, я так ее и не закончил. Там я услышал удивительную историю: будто один смертный стал Пророком. Он вроде как поднялся на вершину горы, а спустился с нее с заветом нового Бога. Мне стало интересно, я решил уйти из школы и присоединиться к Пророку. Так я стал первым, кто пошел за Святым. Следующей весной исполнится одиннадцать лет с тех пор, как я слеую за ним, исполняя заветы Друга.

Остановившись перед одним из небольших шатров, вытянувшихся в ряд, Ворон откинул прикрывавший вход полог.

– Это – твое жилище, – сказал он. – Желая тебе хорошо выспаться, потому что завтра ты начнешь занятия по расписанию, которое подготовил для тебя Святой. Эти обноски тебе больше не понадобятся, в шатре ты найдешь соответствующую твоему положению одежду. После того как мы будем поднимать на небосклон солнце, каждое утро ты станешь проводить с братом Волком, а после обеда твоими занятиями будет руководить брат Жало. А в оставшееся время тебя будет учить брат Аспид. – Ворон доверительно взглянул на Роуна. – Если такой распорядок окажется тебе не по силам, скажи мне. Я замолвлю перед Святым за тебя словечко и все улажу. Запомни: если возникнут какие-нибудь проблемы, мой шатер рядом. Заглядывай в любое время.

– Спасибо тебе, – ответил Роун, проходя в свой небольшой шатер. Он был рад избавиться от назойливого брата Ворона.

В неясном свете нескольких горевших свечей он разглядел покрывавшие пол ковры и аккуратно сложенную плотную черную одежду, лежавшую в ногах кровати. Хотя назвать кроватью простую шерстяную подстилку, пожалуй, было преувеличением. Роун укрылся шерстяным одеялом, но еще долго не мог согреться. Он протянул руку к рюкзаку, вынул из бокового отделения отцовский

башмак, провел пальцами по заплаткам и положил его рядом с собой.

Перед глазами мелькали лица братьев. Всего за один день он встретился с семьюдесятью пятью незнакомцами, а первого чужака в своей жизни увидел лишь несколько дней назад. Он вообще был самым первым чужаком, появившимся в Негасимом Свете. В тот день ранним утром в ворота селения въехал посланец на белом коне. Все смотрели на него как завороженные, но никто даже не подумал прогнать этого одинокого человека. Тем более наряд его был таким диковинным! На нем была накидка из разноцветных перьев, а голову покрывал шлем, сделанный в виде птичьего клюва.

В Скрытой от Мира Долине знали лишь кур да ворон, другие птицы залетали туда очень редко, а таких перьев, какие покрывали его накидку, никто вообще никогда в глаза не видывал – ярко-желтые в алую крапинку, серебристые с отливом в розовато-лиловый, а еще длинные – в целый фут длиной – цвета слоновой кости с пурпурными пятнышками. Дети Негасимого Света шли по деревне за Человеком-птицей и то и дело норовили коснуться этих восхитительных перьев. Он не возражал, даже посмеивался, будто курица квохтала. Дети в ответ звонко смеялись. Но взрослых это совсем не забавляло. Роун видел испуг в их глазах и впервые в жизни ощутил тревожное беспокойство.

Члены Совета селения проводили Человека-птицу в зал приемов общины. Пока дверь не закрылась,

Роун видел, как они обменивались настороженными взглядами, у них даже руки дрожали. На лице отца Роуна застыло суровое выражение – он был одним из десяти членов Совета, которые вели с посланником переговоры. Встреча длилась долго, детишки носились по двору у дверей, сгорая от любопытства. Близнецы Макс и Эста, родившиеся через год после Стоув, пытались заглянуть внутрь, но их неизменно отгоняли. Большинство соплеменников пребывали в сильном возбуждении – они были уверены, что посланец приехал в селение торговать перьями. Но лучший друг Роуна – Эйден, как всегда, был циничен:

– Какой толк от этих перьев? – съязвил он. – Есть-то их нельзя.

Стоув ему тогда возразила:

– Они так прекрасны! Я бы отдала две свои любимые чашки за одно из этих блестящих красных перьев.

Роун видел в каких-то книгах рисунки перьев, которыми была украшена накидка чужака. Пока они ждали, Стоув упросила его сказать ей названия давно вымерших птиц: павлина, орла, лебедя, кардинала. Ей нравилось звучание этих слов, когда он их выговаривал нараспев, она просила Роуна повторять их снова и снова. Поразительного пришельца она восприняла как восхитительное зрелище, как будто в разгар зимы наступила весна.

Через несколько часов дверь зала, где проходили переговоры, распахнулась настежь. Из нее быстрым

шагом вышел Человек-птица. Улыбки на его лице не было. Не обращая внимания на детей, просивших его разрешить им еще раз коснуться великолепных перьев, он вскочил на коня и был таков. Роун ждал у распахнутой двери, видел, как члены Совета во главе с его отцом с мрачным видом выходили из помещения.

В ту ночь его разбудили взволнованные голоса родителей, которые что-то оживленно обсуждали.

– Разве не могли мы ему заплатить? – спрашивала мама.

– Ту единственную плату, которую он требовал, – ответил отец, – мы никогда платить не станем.

Следующую фразу Роун не расслышал – голос отца заглушил звон упавшей на пол и разбившейся чашки.

– Надо нам отсюда уходить, – сказала мама, – и немедленно!

– Нет. Так было предначертано Пророчеством.

– Но ведь это только миф!

– Это смысл нашей жизни здесь, в нем суть нашего бытия.

– И ты готов принести наши жизни, жизни наших детей в жертву тому, что может быть простой сказкой?

– Посмотри на меня... Это в тебе говорит материнский инстинкт. Но ты же знаешь правду! Мы всегда помнили, что этот день настанет.

Роун впервые в жизни уловил в их голосах ужас. Ему не было холодно, но он весь дрожал. Голос матери, которую душили рыдания, разрывал ему душу на части.

– Но почему именно сегодня? Почему теперь?

– На то есть лишь одна причина, – ответил отец.

Внезапно что-то гроыхнуло, похожее на отдаленный раскат грома, но от грома пол в доме под ногами Роуна никогда не трясло. Потом воцарилась гнетущая тишина.

– Не все будет потеряно, – сказал его отец.

Тут донесся отчетливый и сосредоточенный голос матери:

– Разбуди их! Давай, давай, скорее! Пусть они отсюда уходят!

У Роуна сильно схватило живот. Он находился в своем новом доме, в шатре в лагере братьев, но никак не мог понять, как попал в это место, кем были окружавшие его люди и что им от него надо. Он убрал папин башмак в карман рюкзака и вышел из шатра на лунный свет. Луна была на ущербе, но он различал кратеры на темном ее боку.

– Кошмары замучили? – Роун вздрогнул, услышав вкрадчивый голос брата Ворона. – Хорошо, что я оказался поблизости.

Роуну не хотелось с ним разговаривать, но брат Ворон гнул свою линию:

– Тебе нравится новое жилье?

– Да, меня здесь все устраивает.

– Что же ты вышел посреди ночи?

– Свежим воздухом подышать.

– Поосторожнее с ночным воздухом...

– Почему?

– Никогда не знаешь, кто тебя укусит, – рассмеялся Ворон. – Ты очень везучий парень. Должно быть, ты сам не понимаешь, как тебе посчастливилось.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что ты сейчас в нашем лагере, а не за его пределами. Там тебя могли бы поджарить на вертеле, Кровопийцы могли бы высосать всю твою кровь или срубить тебе голову и насадить на кол. Но вместо этого ты оказался под крылом человека, благословенного Господом. Воистину тебе повезло, парень!

Не желая показывать, насколько слова Ворона выбили его из колеи, Роун вежливо улыбнулся, кивнул, пожелал спокойной ночи и вернулся к себе в шатер. Лег на постель и закрыл глаза.

Душераздирающий вопль... Ногти Стоув впиваются в его ладонь. Всадник в жуткой красной маске поднимает девочку в воздух. А Стоув все тянется, тянется к Роуну...

Роун раскрыл глаза, пытаясь отогнать ужасные воспоминания. Сердце колотилось как бешеное, подбивая его удрать, но усилием воли он заставил себя лежать неподвижно. Снежный сверчок вылез из кармана рубашки и устроился на груди мальчика. В серебристом лунном свете Роуну были хорошо видны его усики-антенны и черные точки немигающих глаз. Вид сверчка его немного успокоил. Со сверчком все в порядке, подумал Роун, он хочет остаться. Значит, и мне никуда отсюда бежать не надо. Вскоре веки Роуна отяжелели, и он уснул.

АДЕПТ

ГОРОД ИЗДАЛ ЭДИКТ:
ШКОЛЫ НАМ НАДО СРЫТЬ,
ЧИТАЛЬНИ ВСЕ РАЗБОМБИТЬ,
КНИГИ ВСЕ СЛЕДУЕТ СЖЕЧЬ –
НЕСОГЛАСНЫХ НЕ БУДУТ ТЕРПЕТЬ!
ПЕРЕЧИТЬ ГОРОДУ ОПАСНО –
С ЕГО ПРИКАЗОМ ВСЕ СОГЛАСНЫ,
И ОН ИСПОЛНЕН БЫЛ БЕССТРАСТНО.
– ХРОНИКИ ВОЙНЫ

В тусклом свете занимавшейся зари Роуна разбудил колокольный звон. На морозном воздухе дыхание клубилось белым паром. Он надел новую черную накидку и штаны из плотной, но мягкой шерстяной ткани. Для постороннего взгляда он был одним из братьев, одним из друзей. В шатер заглянул Поваренок, в руках он держал закрытую миску.

– Я тебе принес кое-что перекусить, чтобы ты дотянул до завтрака. Давай скорее, нам уже пора поднимать солнце.

Роун быстро съел овсяную кашу, они вышли из шатра и направились к месту сбора остальных братьев.

С трепетом и благоговейным страхом Поваренок шепотом спросил Роуна:

– Скажи, неужели Негасимый Свет существует на самом деле?

Вопрос показался Роуну очень странным.

– А почему ты считаешь, что его нет?

– О нем все наслышаны, но никто его не видел. Поэтому мне всегда казалось, что в действительности его нет.

– Есть, конечно, такое место, – ответил Роун, но у него вдруг что-то перехватило в груди, отдавшись острой болью, и он поправился: – Точнее, было. – Чтобы сменить тему, Роун спросил: – Как ты сюда попал?

Поваренок бросил на него тревожный взгляд.

– Как и все.

«Как и я?» – мелькнуло в голове Роуна.

Когда они уже подходили к границе лагеря, с ними поравнялся Святой.

– Спасибо тебе, брат Поваренок, что проводил сюда Роуна.

– Не ст... не стоит благодарности, брат Святой, – заикаясь ответил Поваренок, оробев перед великим человеком.

Обратившись к Роуну, Святой сказал:

– Следуй за мной.

Роун заметил огорченное выражение на лице Поваренка, который плелся за ним и Святым в неясной предрассветной дымке. Они поднялись на самое высокое место в лагере. В мутном свете

наступавшего утра Роун не без труда разглядел семьдесят пять человек, выстроившихся рядами и смотревших вниз на сумрачную долину. Ее бескрайнее пространство, казалось, дышит в унисон с их дыханием.

Здрав голову вверх, Святой воскликнул:

– Для нас он возносит солнце в небеса! Для нас он приносит рассвет!

Все наблюдали за ним в молчании; брат Волк передал Святому арбалет. Святой вложил в него стрелу, наконечник которой был обмотан тряпкой. Брат Волк поджег тряпку, и Святой послал в небо пылавшую стрелу. Достигнув высшей точки полета, огненная стрела описала дугу, устремилась вниз и исчезла из вида.

На какой-то миг все как будто застыло, стояла мертвая тишина. И тут горизонт озарил первый луч солнца. Братья приветствовали его такими громкими криками, что у Роуна зазвенело в ушах. Святой возвел руки к небу. Собравшиеся мужчины тут же смолкли.

– Благодарим тебя, Друг! – произнес Святой.

– Благодарим тебя, Друг! – вторили ему остальные.

Братья в пояс поклонились солнцу, и Роун последовал их примеру. Слова глухо разносило эхо, потом все замолкло. Магические чары ритуала развеялись, только когда братья возвратились в лагерь – к шатру трапез, где их уже ждал завтрак.

* * *

Роун доедал вторую миску каши, в которой, к его радости, не было мяса, когда к нему подошел брат Ворон.

– Ну вот,– сказал он,– теперь ты готов. Пришло время утренней тренировки.

По дороге Ворон остановился у колодца и налил немного воды в большую чашку.

– Попробуй это воду,– он протянул чашку Роуну.– Это самая лучшая вода на триста миль в округе!

Роун отхлебнул несколько глотков.

– Хороша водица,– вежливо сказал он. Он, правда, уловил в воде какой-то металлический привкус, и вкус у нее был другой, чем в Негасимом Свете – там вода была свежее и мягче.

– Она естественная, никак не очищенная,– похвастался Ворон.– Ее источник питают горные снега. Наш район уникален, он ничем не загрязнен. Можно пить воду прямо из реки. В тех селениях, что раскинулись в долине, положение гораздо хуже, там все отравлено. А вода-то нужна всем, правда?

– Ты вроде говорил, что сейчас время тренировки?

– Да, да, конечно,– ответил Ворон.– Хватит чесать языком.

Он проводил Роуна к площадке, на которой брат Волк обучал группу из двадцати мужчин сложным боевым ударам и приемам.

– Ну ладно, я пошел. От одного вида этого сурового воина у меня разыгрывается аппетит.– Ворон

ухмыльнулся, похлопал Роуна по плечу и пошел дальше своей дорогой.

Брат Волк хмуро посмотрел на Роуна.

– Ты опоздал, – сухо сказал он. – Впредь чтоб такого не повторялось.

Роун кивнул, подавив желание свалить вину за опоздание на Ворона.

– Старайся как можно лучше подражать тому, что мы делаем. Отдельно позанимаемся позже.

Волк быстро поворачивался, внезапно нападал и наносил резкие удары. При каждом движении он натужно дышал и раскатисто ревел. Ученики подражали как его движениям, так и издаваемым им звукам.

Несмотря на эту какофонию, Роун расслышал стрекот сверчка, сидевшего в кармане его накидки.

Мальчик сосредоточился на движениях, которые выполнял брат Волк. Он никогда не занимался военной подготовкой, но ему показалось, что эти упражнения он где-то видел. Он энергично делал резкие броски в разные стороны, наносил удары, забыв о времени и о том, где находился, до тех пор, пока наставник не велел всем ученикам разойтись. Песнь сверчка тоже оборвалась, и Роун закончил тренировку. Взглянув на солнце, он удивился, насколько оно уже высоко – мальчик и не заметил, как пролетело утро. Брат Волк сделал ему знак подойти.

– Где ты учился этим движениям?

– Я никогда раньше их не делал, – ответил Роун, – просто старался тебе подражать, как ты мне сказал.

Волк взглянул на него с любопытством, потом подошел к стойке, на которой лежало оружие, и взял меч, сделанный в форме двух полумесяцев.

– Видел когда-нибудь такое оружие? Оно называется меч-секач.

Роун как зачарованный смотрел на странное оружие – ничего подобного ему раньше видеть не доводилось.

Волк взял Роуна за руку.

– Меч-секач держат так, – пояснил он. Потом взял себе алебарду и сказал: – Защищайся!

Он занес алебарду над Роуном, и мальчик инстинктивно защитился мечом. Волк откинулся немного назад и с размаха попытался обрушить оружие на голову Роуна. Тот, нагнувшись, увернулся, чтобы избежать удара, потом тут же выпрямился, готовясь отразить следующее нападение.

Держа в руках алебарду, Волк крикнул:

– Нападай!

Роун стоял не двигаясь.

– Давай, нападай на меня! Шевелись!

Роун смотрел на него в смущении. Ему было ясно, что наносимый удар надо отражать. Но нападать? В Негасимом Свете это было категорически запрещено даже в детских играх.

Брат Волк положил алебарду на землю и устоялся на Роуна. Мальчик заметил в его взгляде озабоченность, хотя бесстрастная маска на лице Волка и скрывала его мысли.

– Ты хорошо владеешь собой, у тебя отличная реакция, тебе удастся сохранять душевное равновесие. Неужели никогда раньше тебя никто не тренировал?

– Никто, – неуверенно проговорил Роун. Тут он вспомнил праздники полнолуния и новолуния, отмечавшиеся в Негасимом Свете. Накануне они репетировали, дни напролет отрабатывая отдельные позиции и движения. – Вообще-то мы отрабатывали некоторые положения. Например, такие как Приливная волна или Дракон, пожирающий свой хвост, но они скорее напоминали танцы.

– Так, значит, ты у нас танцор... – усмехнулся Волк, но тут же стал серьезен. – При определенной работе из тебя могло бы что-то получиться. В нашем деле особенно важны сила, скорость и техника. Со скоростью у тебя все в порядке, техникой ты овладеть в состоянии, но тебе надо много работать, чтобы стать сильным, стойким и ловким. Не говоря уже о том, что необходима решительность при нападении, чему, очевидно, тебя в твоём танцевальном классе никто не учил.

Роун почувствовал, что Волк – хороший, серьезный учитель, у этого брата не было и следа лукавства, присущего Ворону. Тренировки под его руководством полностью противоречили принципам, которых придерживались в Негасимом Свете. Его родители пришли бы в ужас, узнав, чем он собирался заниматься. Почему же эти движения казались Роуну вполне нормальными и он испы-

тывал физическое наслаждение от упражнений? Ведь теперь само его выживание могло зависеть от того, насколько хорошо ему удастся овладеть боевыми искусствами.

Брат Волк улыбнулся, взял у него меч-секач, и впервые после того, как Роун оказался в лагере, он улыбнулся учителю в ответ.

От тренировочной площадки мальчик направился к колодцу. Отойдя на некоторое расстояние, он заметил, что брат Волк о чем-то говорил со Святым. Через несколько минут Волк поклонился Святому, который направился к своему шатру. Роуну очень хотелось узнать, о нем ли они разговаривали...

Подняв из колодца ведро, Роун от души напился. Меч-секач лежал у него в руке как влитой. Движения, которые вызывали в Негасимом Свете такое отвращение, казалось, прямо-таки ложились на его душу, одновременно восхищая и отталкивая. Роун вылил на себя остатки воды из ведра, как будто хотел смыть напряжение тренировки.

Прислонившись к дереву, он закрыл глаза. Снежный сверчок вылез у мальчика из кармана, устроился на груди и принялся сверчать свою песню.

НАПРОТИВ РОУНА В ЯРКОМ ЛУННОМ СВЕТЕ ВОЗНИКАЕТ КАКОЕ-ТО ДРЕВНЕЕ СУЩЕСТВО.

«КТО ТЫ?» – СПРАШИВАЕТ ОН.

РОУН ТЯНЕТСЯ К НЕМУ, НО СУЩЕСТВО ДВИЖЕНИЕМ РУКИ СБИВАЕТ ЕГО С НОГ. ОН БЫСТРО ВСКАКИВАЕТ, НО СТРАННАЯ ФИГУРА ХВАТАЕТ ЕГО ЗА РУКУ,

ВНОВЬ БРОСАЕТ НА ТРАВУ И УПИРАЕТ РАЗДВОЕННОЕ КОПЫТО ЕМУ В ГРУДЬ. РОУН ПЫТАЕТСЯ ЕГО СБРОСИТЬ, НО КОПЫТО С СИЛОЙ ПРИЖИМАЕТ ЕГО К ЗЕМЛЕ.

«ДАЙ МНЕ ВСТАТЬ!» – ПРОСИТ ОН.

«А ТЫ ЗАСТАВЬ МЕНЯ...» – ШЕПЧЕТ СУЩЕСТВО.

Роун пришел в себя, когда зазвонил колокол. Солнце стояло в зените. Он чувствовал странное возбуждение. Мальчик не мог припомнить, чтобы раньше, когда он жил в Негасимом Свете, у него бывали такие странные и яркие видения. Хотя, должно быть, такие необъяснимые галлюцинации – обычное дело у тех, чья жизнь сломана.

Он почувствовал, как на него накатывает волна отчаяния и горя, но тут заметил, что ему машет рукой Поваренок. Это отвлекло мальчика от нахлынувших воспоминаний. Сдержавшись, он вышел из шатра к Поваренку. От соблазнительного запаха вкусной еды у Роуна забурчало в желудке.

– Вот что у меня особенно хорошо получается...
Смотри! – воскликнул Поваренок и одним рывком содрал шкуру с кролика, обнажив розовое мясо.

Роуна чуть не вывернуло наизнанку! В Негасимом Свете они ели куриные яйца, пили козье молоко, но о том, чтобы питаться плотью животных, и помыслить никто не мог. Но теперь, когда он стал есть мясо, нужно было быть лицемером, чтобы прятать глаза и не смотреть, как животных убивают и сдирают с них шкуру. А когда ему придется покинуть лагерь, умение готовить мясо может очень

даже пригодиться, поэтому, сделав над собой усилие, он продолжал смотреть на манипуляции повара. В животе бурчало. Поваренок скалил зубы.

– Я могу это делать одной рукой даже с закрытыми глазами. Хочешь покажу?

– Нет, с меня хватит.

– Ты что, мне не веришь?

– Да нет, верю я тебе, верю!

Поваренок чиркнул ножичком по шее кролика, потом повернулся к нему спиной, протянул руки назад, сделал рывок и гордо поднял перед собой звериную шкуру, с которой капала кровь.

– Ну что, не слабо, а?

– Впечатляет, – пробормотал Роун.

– Ну ладно, – сказал Поваренок, – пойдём, накормлю тебя обедом.

– Я не голоден.

– Ещё успеешь проголодаться. – Поваренок потащил его в пустой шатер трапез, усадил за стол и налил ему чашку козьего молока. – Спорим, раньше ты никогда не видел, как с кролика снимают шкуру?

– Откуда ты знаешь?

– Ты весь позеленел!

Роун усмехнулся и отпил молока.

– Как ты стал здесь поваром?

Поваренок точил нож и даже не взглянул в его сторону.

– Я для этого лучше всего приспособлен.

– Значит, ты сам себе выбрал это занятие?

Поваренок негромко рассмеялся.

– Никто сам себе работу не выбирает. Это делают пятеро – братья Святой, Ворон, Жало, Волк и Аспид. Так что самому мне выбрать ничего не пришлось. Это все, на что я способен.

– Не понял...

– Это то, что я делаю лучше всего, – сказал Поваренок, как отрезал.

Роун уловил, что затронул деликатный вопрос, и перевел разговор на другую тему:

– Я представляю, чем занимается каждый из этих пятерых, кроме брата Ворона. У него есть какие-то определенные обязанности?

– Да. И очень важные.

– Какие же?

Поваренок посмотрел на Роуна с опаской.

– Он занимается делами.

Роун кивнул, не очень понимая, какие дела имеются в виду.

– Ты заметил, какой у него запах изо рта? – спросил он парнишку.

Поваренок прикусил губу.

– Знаешь, что это такое? – настаивал Роун.

– Скорпионье пойло.

– Это что, напиток такой?

– Скорпионьи хвосты, маринованные в кукурузной настойке.

– Такое, небось, хлебнешь – и Богу душу отдашь.

– Там как раз столько яда, чтобы затуманить мозги и чуть-чуть свести тебя с ума.

– Должно быть, брату Ворону это нравится.

Поваренок подошел ближе к Роуну и прошептал:

– Я слышал, как брат Аспид выговаривал ему за то, что он слишком много пьет. Скорпионье пойло достать нелегко, обычно оно бывает только у брата Аспида. Он хранит его для медицинских целей. Брат Ворон больше пары глоточков перед сном не может у него выклянчить. Я слышал однажды, как брат Жало ему сказал: «Я даже представить себе не могу, что с тобой будет, если ты всю бутылку вылакаешь».

Роун был в некотором замешательстве, но молчал, опасаясь неосторожной фразой нарушить начавшие устанавливаться между ними доверительные отношения.

– Что с тобой? – спросил повар.

– Я, кажется, начал кое о чем догадываться.

– О чем?

– Сдается мне, брат Ворон за мной следит.

Поваренок рассмеялся, но Роуну показался горьким его смех.

– Как допьешь молоко, стакан оставь на столе.

Он вышел из шатра, оставив озадаченного Роуна одного за столом.

Резким движением мальчик отставил стакан в сторону, обернулся и вздрогнул, заметив смуглого человека с короткой черной бородой, стоявшего позади него.

– Я – брат Жало, – сказал мужчина и сделал Роуну жест следовать за ним.

Семеро мужчин сидели, склонившись над кругом на большом плоском камне. Внутри круга углем были нанесены контуры витиеватого рисунка, отдельные части которого были завершены, хотя трудно было разобрать, что на нем изображено. Брат Жало взглянул на Роуна.

– Твоим цветом будет охра.

Он протянул мальчику меховые одежды и перчатки с обрезанными пальцами. Когда Роун их надел, Жало дал ему небольшую, похожую на трубочку воронку и мисочку с красновато-коричневым песком.

– Зачем мне все это? – спросил Роун.

– Цель нашего занятия – упражняться в терпении, упорстве и сосредоточенности. Нанеси свой цвет там, где маленькие ромбы. Эти мои слова тебе на сегодня – последние.

Остаток дня был проведен в молчании. Каждый друг аккуратно наносил через свою воронку одновременно по несколько песчинок в отведенное его цвету место. Роун пытался сосредоточиться на поставленной задаче, но мысли его витали в облаках.

Стоув все тянется, тянется к Роуну... Она так близко, совсем рядом, он уже почти схватил ее за руку, но не успевает коснуться пальцев сестры, как костяная палица наездника обрушивается ему на голову.

Роун усилием воли вернулся в настоящее, но было уже поздно – песок из его воронки высыпался слишком быстро и заполнил пространство за преде-

лами отведенных участков. Брат Жало это заметил, но ничего не сказал.

Ошибку исправить было почти невозможно, и когда перед заходом солнца прозвенел лагерный колокол, Роун почувствовал облегчение. Все суставы болели и не сгибались, казалось, будто он просидел в одной позе целую неделю, но сделать почти ничего не успел. Рисовавшие песком художники встали и низко поклонились. Потом каждый из них взял незажженный факел и направился к возвышенности в западной части лагеря. Роун следовал за ними, и, когда они дошли до вершины, он увидел там все Братство, собравшееся в полном составе. Взгляды всех братьев были устремлены на солнце, почти закатившееся за горизонт. Перед группой стоял брат Аспид, держа в руке такой же незажженный факел, как остальные.

– Свет умирает, чтобы возродиться вновь!

Ему вторили все братья:

– Свет его жив во веки веков!

Солнце скрылось за горизонтом, озарив небеса прощальными красными сполохами. В тот момент, когда оно исчезло из вида, брат Аспид зажег свой факел.

– Мы живы светом Друга.

Братья один за другим зажигали свои факелы от факела брата Аспида, а Роун переживал в душе обрушившиеся на него несчастья. Тут перед ним откуда ни возьмись появился брат Ворон.

– Вот ты, оказывается, где! – воскликнул он.–
Вовремя я тебя нашел. Брат Святой приглашает
тебя с ним отужинать в его покоях.

– Спасибо тебе, брат,– ответил Роун.– Я знаю,
как его найти.

Но Ворон дружески улыбнулся и пошел вместе
с ним.

– Твой первый день у нас поистине впечатляет. По
моему скромному мнению, ты самый странный но-
вый адепт, который появился у нас за все эти годы.

– Ты, брат Ворон, слишком великодушен ко мне.

– Нет, маленький брат, это ты оказываешь мне
честь, общаясь со мной. Ведь отношение к тебе
Пророка просто исключительное! Скажи-ка мне,
Роун, что тебе сегодня больше пришлось по ду-
ше – боевые искусства или рисование песком?

– Я и сам еще толком не разобрался. Мне кажется,
каждое занятие имеет свое назначение.

– Да, это верно. А какое назначение у тебя?

– Что ты имеешь в виду?

– У каждого человека в этой жизни наверняка
есть какое-то предназначение. Чем еще можно
объяснить наше жалкое брренное существование?

– Я, наверное, еще слишком молод, чтобы су-
дить об этом,– ответил Роун.– А какое предназна-
чение у тебя, брат Ворон?

– Ну, это яснее ясного – служить Другу, конечно.

– Может быть, когда я больше узнаю о Друге,–
сказал Роун, тщательно подбирая слова,– это
станет и моим делом.

– Уверен, что так оно и будет. Мне бы только хотелось понять, дорогой мой товарищ, почему Святой решил пригласить тебя разделить с ним трапезу.

– Представления не имею...

– Да, да, у Святого всегда на все есть свои резоны...– Лицо брата Ворона расплылось в широкой улыбке.– В жизни очень важно иметь хороших друзей.

Роуну почувствовал облегчение, когда они подошли к шатру Святого.

– Ну, давай, маленький брат,– напутствовал его на прощание Ворон,– веди себя там осмотрительно.

* * *

Роун волновался, но с радостью перешагнул узкий порог полутемных покоев Святого. Он прошел несколько темных пустых помещений в направлении мерцавшего за ними света и оказался в главном зале большого шатра. Мальчик удивился, увидев, что посреди него горел костер, дым которого выходил в отверстие у вершины. Святой сидел на ковре, украшенном изображениями змей. Повсюду были разбросаны книги, и Святой их просматривал.

– Хорошо, что ты пришел, Роун. Расскажи мне, о чем здесь написано.

Роун опустил на колени на ковер и взял книгу:

– Она называется «Алиса в стране чудес».

– Забавно. Что здесь еще есть?

Роун поднял с пола другой увесистый том:

– Это – Святая Библия.

Святой взял у него толстую книгу, ощутил в руке ее вес, понюхал:

– Вот, оказывается, чем пахнет старый Бог.

– Хочешь, я тебе из нее немного почитаю?

– Здесь все ересь и вранье, – с раздражением буркнул Святой и бросил книгу в огонь.

Роун выхватил ее из костра и сбил пламя с обложки. В Негасимом Свете книгами очень дорожили. Даже мысль о том, чтобы сжечь книгу, была для Роуна кощунственной.

– Наш Друг – первый Бог и последний! Нам не нужно вранье язычников! Брось эту книгу обратно в огонь, – распорядился Святой.

Роун мешкал, сдерживая охватившую его ярость.

– Этим текстам многие тысячи лет! В них описаны два великих религиозных движения, борьба и войны их пророков.

Святой молчал, размышляя над словами мальчика. Потом произнес:

– Ты умен не по годам. Я не стану спорить. Положи книгу в тот ящик.

Роун положил Библию в большой сундук, где уже лежала стопка книг. Он заметил, что там лежали еще несколько связанных лентой медальонов с прядями волос и детские игрушки – кольцо, погремушка, волчок.

– Разве здесь есть дети?

Святой ответил не сразу:

– Здесь детей нет. – После паузы он попросил: – Найди мне интересную книгу.

Роун стал перебирать книги одну за другой, читая Святому названия и вкратце рассказывая об их содержании. Там были «Любовная лирика Сапфо», «Франкенштейн», «Гамлет», «Пособие по ремонту “фольксвагена-жука”», «Преступление и наказание», «Республика» Платона, «Биография Майкла Джексона», «Биология дельфинов-касаток», «Камасутра». Так он перебрал десятки книг, но каждый раз Святой бросал одно и то же:

– Бесплезно!

– Какая же тебе нужна книга? – недоуменно спросил Роун, но тут же пожалел, потому что Святой рявкнул :

– Такая, которая может быть мне полезна!

Роун продолжил просматривать пыльные тома, пока не наткнулся на историю создания и развития двигателя внутреннего сгорания. Он перерассказал ее содержание Святому.

– Это уже кое-что,– сказал Святой, пролистал книгу, глядя на иллюстрации, потом бросил ее в сундук.– Ты на правильном пути. Ищи дальше.

Скоро Роун нашел еще одну потрепанную книгу.

– Это – пособие по обеззараживанию почвы.– Он раскрыл книгу, и у него защемило в груди.– Эта книга из библиотеки моего отца,– сказал он, и на глаза его навернулись слезы. Он вспомнил, как отец держал эту книгу в руках, внимательно ее изучал, согнувшись над страницами, делал выписки. «Я касаюсь того, чего касался ты, отец».

Он услышал голос Святого:

– А в Негасимом Свете земля была заражена?

Роун вздохнул, словно отгоняя от себя печальные мысли.

– Да. Когда туда пришли Отцы-основатели, они нашли в этой книге сведения о растениях, вырабатывающих бактерии, которые уничтожают скопившийся в земле яд.

– Значит, эта книга может пригодиться и нам,– сказал Святой и указал на том с золотым тиснением на обложке: – А это что такое?

– Эта книга называется «История династии Цинь в Китае»,– ответил Роун, просматривая страницы убористого шрифта.– В 221 году до нашей эры один человек победил там всех остальных полководцев и создал империю.

– А где был этот Китай? – спросил Святой.

– Это очень древняя огромная страна по другую сторону великого океана. Человек, которого звали Цинь, смог первым объединить всю ту страну.

– Эту книгу нам надо почитать,– проговорил Святой.

Роун открыл фолиант на титульной странице и прочитал первое слово:

– Китай.

Святой на него внимательно посмотрел.

– Ты различаешь написанные здесь буквы? – спросил Роун.

– Конечно, различаю,– раздраженно бросил Святой.

– «К» и «и» произносятся как «ки»,– объяснил ему Роун.

Святой подозрительно покосился на буквы. Через некоторое время он перевел взгляд на Роуна.

– А как ему удалось победить всех других военачальников?

Роун раскрыл оглавление книги.

– Об этом речь пойдет только в третьей главе. Мы со временем до нее дойдем, а сначала прочитай первое слово.

Святой пожал плечами.

– Давай начнем сразу с третьей главы.

– Сначала мы читаем первые две, они нам позволят...

– Главу третью. И не перечь мне!

– Третья глава легче не будет.

– Не имеет никакого значения! Читать будешь ты.

Лицо Святого исказилось гневом, и Роун понял, что, независимо от вызвавших этот гнев причин, ему лучше сразу же взяться за дело. И он начал читать повествование об императоре Цинь. Испытывая одновременно и восхищение, и отвращение, он читал о том, как император засылал шпионов, которые должны были следить за его соперниками, как он нагонял на врагов ужас неслыханной жестокостью, о безупречной стратегии сражений, в которых он их истреблял.

– Замечательный был человек! Наверное, он внушал подданным благоговейный трепет,– вздохнул Святой.

– Да уж, не без того.

Святой взглянул на Роуна.

– Ты что, не согласен со мной?

– Думаю, трудновато ему приходилось – одни жестокости да убийства.

– Да, – заметил Святой, – конечно, в Негасимом Свете ты ничего этого не видел и не знал. Но в мире много таких людей, как император Цинь, и чем больше мы о них знаем, тем легче сможем их одолеть. Ну, ладно, на сегодня хватит. Продолжим чтение завтра.

– А не хочешь, чтобы я научил тебя...

– Время дорого, Роун из Негасимого Света. Мы больше успеем, если читать будешь ты. А теперь нам пора ужинать.

Роун прошел за Святым в небольшое помещение под пологом, где на столе уже стояли жареный кролик и картошка. Святой жестом указал Роуну на стул, а сам разрезал мясо и положил по кроличьей лапе с поджаристой корочкой каждому на тарелку.

– Спасибо, – пробормотал Роун.

Следуя примеру Святого, он взял лапу в руку, откусил кусок мяса и чуть не подавился.

– Сегодня ты очень хорошо зарекомендовал себя на тренировке, – сказал Святой.

Роун тяжело дышал, глядя, как Святой пожирает мясо.

– Брат Волк – прекрасный учитель. Он так хорошо показывал, как делать упражнения, что повторить было очень просто.

Святой пристально посмотрел на Роуна.

– Хотя у тебя нет никакого опыта, ты занимался наравне с некоторыми из моих самых опытных последователей.

– Надеюсь, я никого не обидел.

Святой рассмеялся.

– Конечно нет. У тебя к этому прирожденный дар.

– Но я об этом ничего не знаю!

– Твой народ должен был знать! Почему они не обеспечили тебе более надежную защиту?

– Что ты хочешь сказать? – спросил Роун недоуменно.

– Друг учит нас, что жизнь бесценна и ее надо защищать. Греха в этом нет. У тебя выдающиеся способности к боевым искусствам. Тебе легко дается то, чего другие добиваются большим трудом. Это не случайность – это дар свыше. В тебе всегда был заложен этот талант, и его надо было развивать.

Услышав, что к шатру подъехали и спешились всадники, Святой вытер пальцы о тряпку, встал и положил руку на плечо Роуна.

– Завтра мы продолжим читать эту книгу.

Выйдя в холод ночи, Роун чуть не наткнулся на крупного жеребца. Животное со свистом дышало, раздувая большие ноздри, к седлу был приторочен меч-секач. Роун уставился на удивительное оружие и на четверых рослых братьев. Они выглядели усталыми, плащи их были покрыты засохшей грязью, с поясов свисали мечи. Они в упор рассматривали Роуна. Роун кивнул им, а Святой, огром-

ной тенью нависавший над входом в шатер, жестом пригласил их войти внутрь.

Роун на какое-то время задержался, ласково поглаживая морду жеребца. От холода его бросило в дрожь. В первый раз в жизни он задал себе вопрос о том, что раньше воспринимал как само собой разумеющееся. Выжил бы народ Негасимого Света, если бы умел себя защитить? Почему они так противились сражениям? Почему их мудрые ценности на деле оказались несостоятельными? И в чем заключался его дар? Знал ли о нем его отец? Стал бы он возражать против использования его Роуном теперь, после всего, что случилось?

Роун чувствовал, что, несмотря на сладкозвучные речи Святого, верить ему нельзя. Но почему бы ему не овладеть теми навыками, которые он может получить, пока остается в лагере? Святой утверждал, что Роун не выживет за его пределами без его защиты, и он инстинктивно чувствовал его правоту. Слишком мало он еще знал об окружающем его мире и о том, что творится вокруг.

Внезапно Роун ощутил присутствие брата Ворона. Но Ворон к нему не приближался, и Роун сделал вид, что ничего не заметил. Мальчик в одиночестве направился к своему шатру. Он решил закрепить упражнения, которым научился в то утро.

Литературно-художественное издание

Трилогия «Негасимый Свет»

ФУН ДЭННИС

ЛОВЦЫ ВИДЕНИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

Роман

Перевод с английского М. М. Гурвица

Редактор И. В. Кулюкина

Корректоры О. В. Круподер, В. А. Нэй

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.01.2011 г.

Формат 76×108/32. Гарнитура «CharterС».

Печ. л. 12,5. Тираж 3000 экз.

Заказ

ООО «Издательство «Этерна»

115444, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел/факс 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru